

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Предсказатель СМЕРТИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Предсказатель смерти

«Научная книга»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Предсказатель смерти / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2020 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-112396-3

Первой жертвой стал сосед Гурова по подъезду. Полковник сам случайно обнаружил труп, а рядом с ним странную надпись. Вскоре было совершено второе убийство. И опять – надпись и непонятный натюрморт. Опытный сыщик предполагает, что это не просто случайные вещи, а подсказки, указывающие, где будет совершено следующее преступление. В какой-то момент Гуров с ужасом понимает, что очередной мишенью убийцы должна стать... его жена Мария. Похоже, таким образом кто-то сводит счеты с самим Гуровым. Но кто? Полковник спешит вычислить злоумышленника, ведь времени, чтобы предупредить новое убийство, у него практически не остается...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112396-3

© Леонов Н. И., 2020
© Научная книга, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Леонов, Алексей Макеев

Предсказатель смерти

Пролог

Август в этом году получился невероятно холодным. Температура за окном даже днем редко поднималась выше +15 °С, и синоптики по всем теле- и радиоканалам вдохновенно вещали, что подобных природных катаклизмов не было с заросшего мхом 1916 года. Солнце, если и выглядывало днем из-за туч, было маленьким и злым, словно в конце февраля. А резкий, почему-то пахнувший прелой осенней листвой, холодный ветер только усиливал впечатление, что лето безвозвратно ушло, и тем, кто не успел отдохнуть во время выходных на Медвежьих озерах, Клязьме или Истре, для купания теперь придется отправляться на юга.

Гурова температурные перепады мало трогали, как и разговоры о глобальном потеплении, переходящем в не менее глобальное похолодание, которые из-за непогоды стали вестись заговорщицким полусшепотом почти на каждой московской кухне. Он вообще спокойно относился к перепадам температуры, не слишком жалуя лишь две крайности – липкую жару и обжигающий холод, и августовские +15 °С воспринимал вполне комфортно. Работал у себя в кабинете, приводил в порядок материалы по последнему делу, подготавливая их к сдаче, а заодно возился с документами, которые подкинул ему Крячко. Станислав ненавидел любые отчеты и доклады и всячески старался увильнуть от бумажной работы. Гуров относился с легкой иронией к подобному неприятию другом любой канцелярской деятельности и выручал его, когда была возможность.

Сегодня она как раз появилась. Лев еще утром закончил раскрытие очередного дела и сейчас неспешно подготавливал материалы для передачи в прокуратуру. Конечно, он мог бы закончить составлять отчетность побыстрее и заняться расследованием странной смерти одной из закатившихся звезд московского балета, но делать этого не стал. Во-первых, был почти на сто процентов уверен, что не объясненная пока смерть – всего лишь нелепый несчастный

случай, а во-вторых, продолжать расследование без предварительных результатов экспертизы на руках было полной бессмыслицей. Именно поэтому Гуров согласился помочь Станиславу привести в порядок его бумаги.

Он аккуратно подшивал очередной лист в материалы одного из дел Крячко, которые до этого валялись в папке в абсолютном беспорядке, и тут на столе зазвонил рабочий телефон. Догадываясь, кто звонит, Лев недовольно покосился на аппарат, но трубку все-таки снял.

– Лева, мне тебя цугундером к психологу на прием гнать? – раздался недовольный голос генерала Орлова. – Тебе сколько раз напоминать, что у нас плановое обследование у психолога для тех, кому оружие на постоянное ношение разрешено? Я тебе неделю назад говорил об этом. Все уже прошли, один ты неизвестно где колобродишь. Марш быстро на обследование!

– Петр, ты же знаешь, как я к этим «мозгоправам» отношусь, – устало проговорил Гуров. Подобные пререкания, длились с тех самых пор, когда приказом учредили в полиции должность психолога. – Скажи ему, чтобы он мне там галочку поставил, где нужно, и закончим с этой темой.

– Лева, не начинай! – рявкнул Орлов. – Психолог мне не подчиняется. У него свое начальство есть.

– Так позвони этому начальству. Не буду я на его идиотские вопросы отвечать и шарлатанские заключения выслушивать. Свяжись с министерством, реши уже этот вопрос наконец. Я не морская свинка, чтобы во всяких опытах и исследованиях участвовать.

– Ты же знаешь, что это приказ министра. Если откажешься от обследования у психолога, буду вынужден тебя от службы отстранить, – отрезал генерал и тут же передразнил сыщика: – «Свяжись с министерством»! Мне по фуражке надают, если я с такими заявлениями в министерство полезу.

– Что выросло, то выросло, – вздохнул Лев. – Платон мне друг, но пенсия дороже.

– Какой Платон? – удивился Орлов.

– Не забивай себе голову, – отмахнулся Гуров. – Сейчас пойду к твоему психологу.

– Он не мой! – отрезал генерал. – А ты... иди-ка ты... к психологу, Лёва! – обиженно добавил он и повесил трубку.

По размеру кабинет у «врачевателя душ» оказался примерно таким же, какой делили между собой Гуров и Крячко, вот только обстановка в нем была куда приятнее. Вся мебель практически новая, а значительную часть пространства кабинета занимали кожаный диван, два мягких кресла и журнальный столик между ними. Когда Лев вошел в кабинет, «мозгоправ» мгновенно поднялся с кресла и двинулся навстречу с улыбкой, которая показалась ему настолько отвратительно-слащавой, что он едва сдержал гримасу отвращения.

Сергея Игнатьевича Прохорова Гуров не любил, и за то недолгое время, которое тот успел проработать штатным психологом в Главке, уже успел несколько раз с ним поссориться. Последний раз – год назад, когда проходил аналогичное обследование в этом же кабинете. Правда, обстановка в штаб-квартире психолога тогда была попроще и поскромнее.

– Проходите, Лев Иванович. Присаживайтесь, где вам будет удобно, – радушно проговорил Прохоров, протягивая руку, которую Гуров после секундных раздумий все же пожал.

– Сергей Игнатьевич, может быть, сегодня обойдемся без глупых вопросов и дискуссий из-за них? – без особой надежды проговорил он. – Давайте я распишусь у вас в документах, а вы уж без меня составите отчет и отдадите его моему начальству. Уверю вас, мое состояние за прошедший год ничуть не изменилось, и нести службу я в состоянии.

– А вот это не очень хорошо, Лев Иванович, если ваше состояние с прошлогоднего обследования не слишком изменилось, – с сожалением в голосе ответил психолог. – У вас уже тогда наблюдались проявления немотивированного деструктивного поведения, а это может отрица-

тельно сказать на вашей способности выполнять служебные обязанности и создать опасные условия как для вас самого, так и для тех, с кем вы контактируете.

– И насчет немотивированности моего поведения, и насчет того, для кого оно может представлять опасность, я мог бы с вами поспорить, но это бесполезно, – констатировал Гуров. – Да и не мой это курятник. Давайте приступать. Что сегодня будем делать? Дерево вам нарисовать? Стишок прочитать? Песенку сплясать?

– Лев Иванович, что вас так беспокоит? Какая сейчас мысль доминирует? – не обратив внимания на издевку, поинтересовался психолог. – Что вы сейчас, именно в это момент, ощущаете?

– Господи, да это и без психологов-шарлатанов любой понять может, – фыркнул Лев, и Прохоров сделал какую-то пометку у себя в блокноте. – Сейчас меня беспокоит то, что я впустую трачу свое время, и в моей голове доминирует мысль, что того идиота, который придумал заставлять сыщиков проходить ежегодные обследования у «мозгоправов», неплохо бы самого к психиатру отправить. А ощущаю я сейчас лишь разочарование от общения с вами. Этого достаточно? Я могу идти?

– Почему вас так раздражают психологи? – вместо ответа задал новый вопрос Прохоров.

– Сергей Игнатьевич, разве я раздражен? Вы еще раздраженным меня не видели. И не советую доводить меня до такого состояния, – вкрадчиво проговорил Лев.

– То есть вы сами понимаете, что вы способны к деструктивному поведению и в таком состоянии представляете угрозу для окружающих? – спокойно поинтересовался психолог. – Скажите, а вы дружили бы сами с собой?

– Я со своей головой дружу в первую очередь. Впрочем, вам это вряд ли удастся понять, – отрезал Гуров, а Прохоров, сделав новую пометку, улыбнулся.

– Не буду с вами спорить, Лев Иванович. Но в жизни есть ситуации, когда не всегда следует принимать решение, которое изначально кажется разумным. Скажите, пойти на преступление, чтобы накормить голодного ребенка, это плохо, или это вынужденная необходимость?

– Насчет того, готов ли я пойти на преступление ради голодного ребенка, я не поручусь, а вот преступить закон, чтобы избавить десятки людей от пыток неуместными вопросами, вполне способен, – язвительно ответил Гуров, и блокнот психолога пополнился еще одной пометкой.

– Если на двух разных планетах поселить только женщин и только мужчин, какая судьба ждет каждую из планет? – задал новый вопрос Прохоров.

– Вы еще спросите меня, какую из этих планет я бы выбрал для жизни, – чуть ли не процедил Лев и резко поднялся со своего места. – Я думаю, на сегодня глупых вопросов достаточно.

– Лев Иванович, мы еще не закончили, – с нажимом проговорил психолог.

– Может быть, вы, Сергей Игнатьевич, и не закончили, а я беседу с вами завершил, – усмехнулся Гуров и вышел из кабинета. – Не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся!

В коридоре он едва сдержал раздражение, вызванное бестолковым, с его точки зрения, разговором с Прохоровым. Лев считал психологов новыми шарлатанами, придумавшими новый способ относительно честного отъема денег у населения. А одного из основателей психоанализа, Зигмунда Фрейда, методы которого в том числе использовали его современные коллеги, и вовсе считал искусным манипулятором, нашедшим рабочие способы заставить людей поверить в новую религию под названием «психология». То, что и до российской полиции дошла мода держать в штате психологов, казалось ему бессмысленной тратой средств на их зарплату и содержание и откровенным самодурством руководства. Конечно, случаи, когда полицейские «сгорали» на работе и срывались на подчиненных, пострадавших, а чаще на преступниках, иногда случались, но Гуров был уверен, что никакие беседы с психологами не в состоянии предотвратить этих срывов, а от их последствий даже психиатры не всегда смогут

излечить. Но больше всего не нравилась появившаяся тенденция привлекать к расследованию сложных дел как штатных полицейских психологов, так и вовсе посторонних специалистов этой профессии. Лев был уверен, что, изучая чьи-то труды по книгам, понять психологию преступника невозможно, если ее вообще можно понять, и готов был спорить до хрипоты, что любой следователь, несколько лет проработавший в своей профессии, понимает поступки и мотивы преступников куда лучше, чем самый титулованный психолог.

Он вздохнул и посмотрел на часы. Рабочий день заканчивался, и уже можно было спокойно отправляться домой, но недоделанные отчеты не хотелось откладывать на завтра. Тем более что его супруга, актриса Мария Строева, репетировавшая сегодня в театре роль Зоськи в пьесе Тадеуша Слободзянека «Наш класс», освободится только часа через два с половиной, и до этого времени Лев хотел завершить все дела, чтобы заехать за ней в театр. Вернувшись к себе в кабинет, он вновь взялся разгребать документы Станислава, но тут на столе снова зазвонил телефон.

– Немедленно зайди ко мне! – прорычал в трубку генерал.

Едва Гуров переступил порог генеральского кабинета, Орлов, не вставая с места, поднял на него глаза и устало проговорил:

– Лёва, ну что ты опять творишь? Зачем опять с психологом сцепился и что ты ему наговорил? Неужели нельзя просто, как и все остальные, ответить на его вопросы, а затем спокойно уйти? Ты знаешь, что он про тебя тут понаписал?

– Петр, я все время удивляюсь, как тебя дома терпят? – хмыкнул Лев, усаживаясь на стул. – Ты же все время ворчишь и вопросами сыпешь, как сварливая бабка. Ну написал там что-то неприятное этот шарлатан, ну и что? Мир перевернулся?

– Мир не перевернулся, а вот тебе переворачиваться придется, – чуть обидевшись, констатировал генерал. – С завтрашнего дня уходишь в краткосрочный отпуск.

– С какого перепуга? – удивился Гуров.

– С такого! – рявкнул в ответ Орлов. – Согласно заключению Прохорова, тебя вообще стоит немедленно отстранить от службы и назначить в отношении тебя служебную проверку. Самое меньшее, что я могу сделать, это в отпуск тебя прогнать. Ты, кстати, давно уже не отдыхал. Так что ближайшие пять дней можешь в Главке не появляться.

– Петр, ты этому шарлатану веришь?! – возмутился Лев.

– Никого ни хрена не волнует, во что верю я. Ты не хуже меня знаешь закон «О полиции» и полномочия штатного психолога. Знаешь и то, как к этим заключениям относятся в министерстве, особенно когда они касаются следователей по особо важным делам. В общем, вопрос решен. С завтрашнего дня ты в краткосрочном отпуске для поправки пошатнувшейся нервной системы. Это не предложение, а приказ. Я запрещаю дежурным в Главк тебя пропускать.

– Даже так? – протянул Гуров и поднялся со стула. – Разрешите исполнять, товарищ генерал-лейтенант?

– Лева, да не строй ты из себя обиженного ребенка, – взмолился Орлов. – Некоторые, вон, отпуска дожидаться не могут и со службы домой бегут так, словно их тут черти на сковородке жарят, а тебя на отдых выгонять пинками приходится. Отправись на рыбалку или, там, по грибы... В общем, я все сказал и уговаривать тебя не намерен. Иди отсюда и глаза мне больше не мозоль! А в следующий раз подумай, как тебе с психологом общаться.

Когда Гуров закончил работу с документами, он немного успокоился, хотя чувство несправедливости продолжало накатывать волнами. Ему не зря поручали самые трудные дела, поскольку он считался (и небезосновательно!) одним из лучших «сыскарей» в столице. А тут человек, еще несколько лет назад видевший преступников только по телевизору, читает им лекции, проводит семинары и занятия, рассказывая, как правильно строить розыск бандитов, основываясь на психологическом портрете абстрактного нарушителя закона. Более того, этот

шарлатан самолично выносит заключение, годится ли следователь для выполнения своих обязанностей, и может одним росчерком пера отстранить его от службы.

Лев пытался утешить себя тем, что вынужденный отпуск – не так уж и плохо, можно на пару дней махнуть с Марией куда-нибудь в Подмоскowie, где воздух почище и меньше суеты, но эта перспектива радовала мало. Как только он начинал представлять себе отдых за пределами столицы, как тут же вспоминал, кто именно отправил его в краткосрочный отпуск, и обида на высшее полицейское руководство, утвердившее нелепые правила психологических тестов на манер западных силовых структур, вновь вспыхивала в душе. Трудно смириться с тем, что уровень его профессиональной пригодности определяет человек, чрезвычайно далекий от настоящей полицейской работы.

В конце концов, устав терзать себя, Гуров спешно закончил работать с документами и отправился в театр за Марией, прихватив по дороге бутылку настоящего армянского коньяка. А почему бы и не отметить внезапно свалившийся отпуск, пусть он и случился из-за несправедливого вывода шарлатана? Поймав себя на мысли, что вновь и вновь, как обиженный мальчишка, возвращается думами к нелюбимому психологу Прохорову, Лев коротко выругался и постарался думать только о жене, пытаясь угадать, как она отреагирует на новость о том, что пару дней они смогут вместе побездельничать на природе.

Когда Мария появилась из дверей и легкой, грациозной походкой направилась к машине мужа, Гуров в очередной раз удивился тому, как ему удалось завоевать сердце этой прекрасной женщины, и поблагодарил судьбу за то, что она свела их вместе. Строева несла с собой довольно объемный пакет, но Лев этому не удивился – высокопоставленные поклонники, которым иногда разрешают присутствовать на репетиции, очень часто приносят всевозможные подарки. Один раз даже детеныша пантеры пытались всучить!

– Как прошла репетиция? – спросил он после того, как Мария села в машину и они поздоровались легким поцелуем.

– Как обычно, – хмыкнула Строева. – Опять эта дура Чемоданова запоролла три сцены подряд. Эта корова то реплики перепутает, то не в тот угол полезет, то вообще слова позабудет. Я, конечно, понимаю, что она молодая и даже, может быть, не лишена таланта, но подпускать ее к таким серьезным пьесам, как «Наш класс», даже на пушечный выстрел нельзя. Пусть сначала на детских утренниках потренируется!

Слушая беспечный рассказ жены, Лев почувствовал, как обида и раздражение постепенно начинают отпускать его. Мария иронично рассказывала о ходе репетиции и членах труппы достаточно долго, пока, решив поправить прическу, не увидела бутылку коньяка на заднем сиденье.

– Опа! – удивилась она. – И что у нас сегодня за праздник? Или ты взятки учишься брать?

– Нет. Взятки – не мой курятник, – усмехнулся Лев. – Представляешь, меня сегодня Петр в отпуск выгнал.

– Слава тебе господи! – театрально воскликнула Строева. – А я уже думала, что этого в ближайшую пятилетку не случится. И как это он смог с твоим знаменитым упрямством справиться?

– Не без помощи врагов, – с тенью досады проговорил Гуров и рассказал жене о встрече с психологом.

Мария слушала его внимательно, прекрасно зная о том, какое отношение у Гурова к психологам. Более того, она тоже посчитала, что отстранять ее мужа от службы по заключению вчерашнего гражданского было абсолютно несправедливо, и выразила эти чувства коротким, почти мужским ругательством. Ругалась Мария редко, но когда делала это, то всегда вызывала какой-то неподражаемый восторг у Гурова, и, услышав, куда и зачем она послала Прохорова и чиновников из министерства, он невольно рассмеялся.

– Вот и правильно! – улыбнулась Мария. – Хрен с ними со всеми! Зато отдохнешь немножко от постоянных погонь за своими бандитами. Кстати, удивительное совпадение, но сегодня мне подарили корзину с армянскими фруктами и орехами, которые отлично подойдут для закуски к коньяку.

– А с чего ты взяла, что фрукты армянские? – удивился Лев, который отлично знал, что коньяк лучше всего закусывать фруктами из той местности, где он был произведен.

– Так мне их новый поклонник подарил. Он и сказал, что фрукты из Армении. Правда, этого поклонника и новым-то назвать нельзя. Просто он так давно не приходил, что я его с трудом вспомнила.

– И кто такой? – поинтересовался Гуров, в душе которого заиграла ревность, хотя такое бывало крайне редко.

– Честно говоря, как его зовут, я не помню, – чуть кокетливо ответила Строева, женской интуицией уловив, какие именно чувства испытывает ее муж. – Впрочем, ты и сам его вспомнить можешь. Когда ты только начинал за мной ухаживать, этот тип часто мне надоедал, и ты его тогда жестко отшил. Мне показалось в тот момент, что даже чересчур жестко, и он явно выглядел униженным. Я даже не знаю, кем он работал и какую должность занимал, но за кулисы пробирался легко. Даже тогда, когда я просила его не пускать. Ну, вспоминай! Он все время аристократа из себя строил...

– Маш, честно, не помню, – усмехнулся Лев, осознавший, что поводов для ревности жены попросту не существует. – Когда мы с тобой общаться начали, по-моему, я не один десяток надоедливых нахалов от тебя отогнал. Запомнишь разве всех?

Непринужденно беседуя, супруги добрались до своего дома. Гурова почти окончательно успокоила беседа с женой, и лишь одно подозрительное совпадение бредило душу: почему ей сегодня подарили именно армянские фрукты? Зачем этот поклонник сказал, откуда ему доставили подарок, и кто он вообще такой? Впрочем, думал Лев об этом совсем недолго. Войдя в подъезд, все его мысли тут же сосредоточились на Марии и приятном вечере перед отпуском, который они проведут вместе с женой.

Глава 1

Гуров едва дождался окончания вынужденного отпуска. В первый же день, даже не поставив с вечера будильник, он по привычке проснулся в половине шестого и испуганно соскочил с кровати, решив, что проспал на службу. Лишь добравшись до кухни и автоматически включив кофеварку, сообразил, что как раз сегодня ему никуда спешить не нужно. Сон, конечно, как ветром сдуло, и Лев, включив на кухне телевизор, бездумно пялился в него, дожидаясь, пока проснется Мария.

Она встала в хорошем настроении и тут же принялась собирать вещи для пикника на Медвежьих озерах, куда они решили отправиться еще со вчерашнего вечера. Впрочем, по мнению Гурова, и эта затея полностью провалилась. Избежать пробок по дороге не удалось, и добрались они до озер примерно к полудню. А тут неожиданно налетел ледяной ветер, притащил с собой тучи, и уныло заморосил настоящий осенний дождь, окончательно испортив единственный за долгое время пикник на природе.

Супруги вернулись домой настолько измотанные дорогой, что им казалось, будто они и не отдыхали весь день, а разгружали на железной дороге мешки с цементом. Мария попыталась шутить на эту тему, пока готовила ужин, но и ее чувство юмора быстро иссякло, и оба, слегка перекусив, непривычно рано для себя завалились спать.

Следующие дни прошли ничуть не увлекательнее предыдущего. В первую очередь из-за того, что Марию неожиданно выдернули в театр. Оказалось, что режиссеру незадолго до премьеры вдруг пришла в голову гениальная мысль, как по-новому преподнести в спектакле «Наш класс» идеи Слободзянека, и всю постановку начали делать практически с чистого листа. Строева, игравшая ведущую роль, пропадала в театре с обеда и до позднего вечера, невольно оставив Льва в одиночестве.

Он пытался сам себя чем-то занять. Бродил пешком по Москве, но то и дело натыкался на места, связанные с раскрытием какого-либо преступления, что тут же возвращало его к мысли о фактическом отстранении от службы и к тому, кто в этом виноват. Подобных мест оказалось очень много, и он так и не смог понять, то ли его ноги сами несли туда, где ему приходилось много и усердно работать над раскрытием преступлений, то ли таких мест, которые никак не были связаны с делами Гурова, в Москве и вовсе не осталось.

Пять дней отпуска тянулись невыносимо долго еще и потому, что ни с сослуживцами, ни с друзьями Гуров практически не общался. Орлову Лев принципиально не звонил, хотя и понимал, что генерал не виноват в его вынужденной отправке в отпуск, когда звонил сам генерал, то разговоры выходили какими-то скомканными, словно оба не знали, о чем вообще говорить. Крячко, правда, забегал в гости пару раз, но во время каждого визита все разговоры начинали сводиться к полицейским расследованиям. Гуров старался сделать вид, что получает огромное наслаждение от вынужденного безделья, и обсуждать раскрытие преступлений отказывался категорически. Получалось это плохо, и Станислав, уже через несколько минут начинавший чувствовать какую-то нелепую неловкость и вину перед другом, торопился смыться, чтобы не усугублять напряженность ситуации. И лишь когда закончился последний день отпуска, Гуров, ложась спать, вздохнул с облегчением: «Завтра снова на службу!»

Утром он проснулся вместе с будильником и начал собираться в Главк, стараясь не будить Марию. Спокойно выпил кофе, взял с тумбочки в коридоре ключи от автомобиля, но, выйдя за дверь, чуть не выругался во весь голос: на лестничном пролете, ведущем на верхний этаж, лежал труп.

Гурову даже не нужно было осматривать тело, чтобы это понять. Мужчина лежал лицом вниз на лестничной площадке между этажами, и его взъерошенная голова, из-под которой набежала лужица крови, свешивалась с верхней ступеньки. Лев осторожно, стараясь не наде-

лать шума, прикрыл за собой дверь и прислушался – в подъезде стояла тишина. Легко взбежав вверх, он выглянул в окно, ведущее во внутренний двор. Там тоже ничего подозрительного не наблюдалось. Редкие прохожие шли по своим делам, но поблизости от подъезда никакого движения не было. Тогда он наклонился к телу и пощупал пульс на шее. Удостоверившись, что человек мертв, Лев набрал номер начальника ближайшего отдела внутренних дел и потребовал выслать следственную бригаду.

Тело мужчины еще не остыло, и даже без экспертов было ясно, что убили его совсем недавно. Вероятность того, что преступник оставался до сих пор в подъезде, была достаточно велика, и Лев, спустившись на свою лестничную площадку, заблокировал двери лифта, не давая возможности вероятному убийце им воспользоваться и ускользнуть, а затем вернулся на место преступления. Инстинкты сыщика буквально подталкивали его провести первичный осмотр.

Первое, что бросилось в глаза, это странная надпись на стене лестничной площадки, которой раньше здесь точно не было. По крайней мере, краска выглядела совсем свежей. *«В отчасти лишь основе всех нормален»* – гласила странная надпись, не вызвавшая у Гурова никаких ассоциаций, кроме той, что написавший ее человек «отчасти лишь нормален». Или ненормален вообще!

Он внимательно осмотрелся вокруг. В северо-восточном углу лестничной площадки валялся осколок автомобильного плафона и розовый обмылок. Неподалеку от правой руки труп валялся обрывок от коробки из-под сока со штрихкодом, а почти рядом с ним лежала старая, потертая обложка от студенческого билета. Гуров прекрасно знал, как следят за чистотой в подъезде его дома, и эти вещи явно были здесь неуместны. Либо их рассыпал потерпевший, либо принес с собой убийца, что более вероятно. В любом случае он решил указать на посторонние предметы следственной группе, которая прибудет на место преступления, чтобы их приобщили к вещдокам, а не сочли за обычный мусор, которым завалены лестничные площадки большинства домов.

Только после того, как закончил осматривать место преступления, Лев внимательно посмотрел на труп. Судя по всему, убитый был его соседом по подъезду, который проживал этажом выше. Звали его Виктор Ушаков, а вот отчества погибшего он не знал, поскольку с соседом они практически не общались – лишь здоровались, когда встречались в подъезде или во дворе. Правда, встречались довольно часто, поскольку на работу обычно выходили примерно в одно и то же время. Сегодня, судя по всему, тоже было так, а это значит, что убили Ушакова буквально за несколько минут до того, как Гуров вышел из своих дверей.

Не совсем было понятно, почему сосед с верхнего этажа решил спуститься по лестнице. Возможно, убийца позвал Ушакова. А может, так же как и Гуров, заклинил двери лифта, чтобы иметь возможность быстро скрыться с места преступления.

Первый вариант вообще никак не характеризовал личность убийцы. Он мог знать Ушакова, а мог просто попросить у него помощи в чем-то, чтобы заманить на лестничную площадку. В этом случае нельзя было утверждать, что преступление спланировано заранее. А вот во втором варианте становилось очевидным, что преступник подготовился к преступлению и действовал по продуманному плану.

Едва Гуров закончил предварительный осмотр, как к его подъезду, заывая сиренами и сверкая проблесковыми «маячками», подлетели сразу три патрульные машины, передвижная криминалистическая лаборатория и карета «Скорой помощи». Лев улыбнулся, увидев, как из патрульной машины выбирается подполковник Иващенко, возглавлявший отдел полиции их района. Иващенко влетел наверх одним из первых, не забыв распорядиться, чтобы один из патрульных остался снаружи у дверей.

– Лев Иванович, с тобой все в порядке? – запыхавшись от подъема, спросил он.

– И ты здравствуй, Кирилл Сергеевич, – кивнул Лев. – Я в норме, а вот моему соседу повезло меньше. Точнее, совсем не повезло.

– Так ты его знаешь?

– Знаю, – ответил Лев и вкратце изложил все, что знал о соседе, а затем указал «следакам» на то, что ему удалось обнаружить рядом с трупом.

Пока один из следователей записывал на диктофон его показания, второй отправился наверх и начал звонить соседям, пытаясь найти возможных свидетелей преступления или просто тех, кто заметил что-нибудь необычное, а третий сотрудник полиции принялся сам осматривать лестничную площадку, надеясь найти что-то, чего не заметил Гуров.

– Лев Иванович, это мои лучшие следователи, и они в твоём распоряжении, – произнес Иващенко.

– Кирилл Сергеевич, я тут просто очевидец, и расследовать это дело не собираюсь, – покачал головой Лев. – Знаю, парни у тебя толковые, сами и разберутся. Тем более что у меня и своих дел хватает.

– Ну, как скажешь, – развел руками подполковник. – Тогда бывай! Если понадобится что-то, я тебе позвоню. Хотя и жаль, что ты руководить расследованием не хочешь. Мои парни, хоть и молодцы, у тебя бы им поучиться не мешало!

– Что выросло, то выросло, – хмыкнул Гуров и, не разблокируя лифта, пошел вниз.

Из подъезда ему удалось выйти только после того, как он показал патрульному свое удостоверение: парень явно проявлял рвение, зная о том, что труп внутри дома обнаружил «важняк» из Главка, и не хотел получить выговор за нерадивое несение службы. Увидев корочки полковника, сержант козырнул и почтительно посторонился, выпуская его на стылый утренний воздух. Лев с улыбкой поблагодарил парня за бдительность и направился к своей машине.

Всю дорогу до Главка Гуров размышлял над утренним убийством. Конечно, трупы видеть ему приходилось далеко не впервые, но не у самых дверей своего дома. Его это преступление, совершенное утром, да еще и прямо под носом у одного из лучших «сыскарей» Москвы, почему-то задело. Он никак не ожидал, что убийцы в столице настолько обнаглели, тем более этот район считался одним из самых спокойных и благополучных во всей Москве.

В этом преступлении казалось нелогичным все. С какого перепугу убийце понадобилось делать на стене бредовую надпись, если это, конечно, он ее сделал? Откуда взялся хлам, разбросанный по площадке, который еще и выглядел так, словно какой-то сумасшедший коллекционер собирал его в мусорных баках? Да и убийство соседа было непонятным. Он, конечно, мужик не нищий, но и большого богатства не имел... Впрочем, врагов заводить небольшое состояние бюджета еще никому не мешало! К тому же Лев вообще не знал, чем занимался Ушаков. Решив, что к вечеру нужно будет поинтересоваться у Иващенко, как идет расследование, он постарался выкинуть мысли о нем из головы и сосредоточился на встрече с Орловым, осознав, что из-за этого дурацкого отпуска вел себя как ребенок. Сразу по приезде в Главк надо извиниться перед генералом за свое мальчишеское поведение.

За то время, которое Гуров провел в «ссылке», в Главке, естественно, ничего не изменилось, как никуда не делись и привычки Крячко, который, по обыкновению, редко появлялся на службе вовремя. Лев только и успел, что включить компьютер, чтобы посмотреть сводку преступлений, переданных в ведение Главка, как Орлов вызвал его к себе в кабинет.

– Присаживайся. Как отдохнул? – спросил он.

– Твоими молитвами, – улыбнулся Лев. – Сам же знаешь, Петр, не умею я отдыхать.

– Ага. Есть у меня для тебя работенка. Вчера на Ленинградском проспекте, в районе пересечения с улицей Крупской, на одну даму было совершено разбойное нападение. Двое неизвестных, по ее словам, напали на женщину, запихнули в машину, отвезли к банкомату и, угрожая оружием, заставили обналичить все деньги, которые были на карте. Сейчас дело в отделе полиции по Ломоносовскому району. Забирай его себе и работай.

– Петр, ты шутишь, что ли? – удивленно посмотрел на Орлова Гуров. – Это же рядовой грабеж, каких в Москве по два десятка в день случаются. С этим же даже стажер справиться может. У нас что, важнее дел нет?

– Лева, если я тебе это дело отдаю, значит, есть на то причины, – вздохнул генерал.

– И какие же? Опять тебя сверху попросили?

– Попросили. И не только, а даже приказали. Во-первых, она жена какого-то банкира, который дружит с Изметьевым из министерства. Мне вежливо намекнули, что для всех будет лучше, если расследованием дела займется Главк.

– Намекнули или приказали?

– Ты меня перебивать когда-нибудь перестанешь? – огрызнулся Орлов. – Сам стал хуже ворчливой бабы, а еще на меня поклепы наводил. Правильно Прохоров сказал, что тебе следует хотя бы месяц над более простыми, чем обычно, делами поработать.

– Чего?! – Гуров едва не подскочил на стуле, на котором сидел.

– А того! – рявкнул генерал. – Во-первых, это приказ, а во-вторых, Прохоров отправил в министерство рекомендации по поводу твоей дальнейшей службы. Там черным по белому написано, что тебя временно следует перевести к расследованию преступлений средней и меньшей тяжести, поскольку чрезмерные нагрузки на твое психологическое состояние могут отрицательно сказаться на здоровье. Вчера мне пришли соответствующие рекомендации из министерства. Я пытался поговорить с Прохоровым, но убедить его не смог. А теперь и сам вижу, что нервишки у тебя пошаливают. Вот и займись «рядовым грабежом», как ты сам сказал. И обществу, и тебе это пойдет на пользу.

– Значит, тобой уже полустатские сотрудники командовать начали? – язвительно проговорил Лев.

– Думаешь, мне самому это нравится? – взревел Орлов. – У меня этот психолог хренов уже поперек горла стоит! Но пока его в министерстве поддерживают, что-то изменить я не в состоянии.

– Ладно, не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся! – махнул рукой Гуров, поднимаясь со стула. – Извини, Петр, может, я действительно погорячился. Сам понимаю, что окончательные решения не всегда тебе удастся принимать.

– Не извиняйся, Лева. Все мы тут на нервах в последнее время. То проверки, то отчеты, то обследования, а затем снова проверки, – примирительно произнес генерал. – Ты разберись с этой дамочкой побыстрее да за нормальные дела принимайся. А я уж придумаю что-нибудь, чтобы тебе этот психолог недоделанный больше не мешал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.